

характеризовал ее автора как «талантливейшего из русских критиков», «остроумного и талантливого мастера» и даже «писателя милостью божьей».⁴⁴

Современники высоко ценили остроуму ума критика и литератора, его наблюдательность, меткость определений, тонкий юмор, умение мастерски передать впечатление от увиденного на сцене. Вместе с тем отмечалась его предвзятость, обилие ядовитых шуток, быстрая перемена мнений, стремление писать на потребу невзыскательной публике.

За Беляевым закрепился статус критика, скептически относившегося к модерну в литературе и театре, отрицателя новых исканий. Это было обусловлено и тем, что он работал в газете с устойчивой реакционной репутацией, негативно оценивавшей прогрессивные веяния в искусстве; и его критическими выпадами в сторону новых театральных явлений, как, например, пьесы А. А. Блока, А. М. Ремизова, Л. Н. Андреева; и его собственными сценическими произведениями, которые воспринимались как попытки «оживить старину». Анализ выступлений критика в периодической печати — от обстоятельных статей до крошечных заметок, всего их более 800, — написанных Беляевым за двадцатилетний период его рецензентской деятельности, позволяет судить о нем не только как о приверженце «старого» театра. Он мог броситься на защиту новых спектаклей Комиссаржевской, когда его собратья-нововременцы писали о ее творчестве малоприятные вещи; восхищался Станиславским как режиссером и актером. Не старинным водевилем, а остро современной книгой была снискавшая большую популярность повесть Беляева «Барышни Шнейдер», «трогательно рассказывающая скандальную историю о двух девочках из хорошей семьи, сбившихся с дороги».⁴⁵

Все это дает основания говорить о том, что непримиримость журналиста и драматурга по отношению к новому была сильно преувеличена. Он был способен оценить молодое, оригинальное, необычное, свежее явление, будь то артист, режиссер, художник или писатель. Однако в целом Беляев сохранил за собой репутацию театрального «старовера», эстетствующего драматурга-«реставратора», утонченного ценителя искусства минувших эпох.

⁴⁴ Евреинов Н. Н. В школе остроумия: Воспоминания о театре «Кривое зеркало». М., 1998. С. 154.

⁴⁵ Святополк-Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск, 2005. С. 687.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-169-184

© М. Ю. Любимова, © Я. Д. Чечнёв

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА» В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ А. Г. ГОРНФЕЛЬДА*

Аркадий Георгиевич Горнфельд (1867–1941) известен как литературовед, критик и переводчик. Последователь и слушатель лекций филолога и философа А. А. Потебни, Горнфельд разделял его взгляд на искусство как на одну из форм познания действительности, но в отличие от своего предшественника интересовался проблемами психологии творчества. С 1904 до 1918 года был членом редакции народнического журнала «Русское богатство» и помощником В. Г. Короленко в отделе беллетристики и критики; здесь были опубликованы более 500 его рецензий. Несмотря на расхождение

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (РНФ). Проект № 21-18-00494: «История издательства „Всемирная литература“ в документах: судьбы творческой интеллигенции России в постреволюционном пространстве сквозь призму издательского проекта Максима Горького».

с позицией издания в теоретических вопросах поэтики, ему в ведущем редакторе Н. К. Михайловском импонировало «достоинство теоретической мысли» и человеческой личности. «Чуткий, самобытный и искусный критик», по выражению И. Ф. Анненского, «тонкий аналитик-критик», по мнению С. А. Венгерова, Горнфельд сотрудничал с многими периодическими изданиями, был видным участником сборников «Вопросы теории и психологии творчества», писал статьи по теории словесности для словаря Брокгауза и других энциклопедий.¹ Составление полной библиографии его публикаций является весьма трудоемким процессом: он является автором множества статей и рецензий, однако не все из них подписаны.² Выявление новых, не исследованных ранее источников, касающихся издательства «Всемирная литература», и их изучение позволяют воссоздать эпизоды сотрудничества Горнфельда с этим культурно-просветительским начинанием и обрисовать личные и творческие связи с другими деятелями, участвовавшими в горьковском проекте.

Горнфельд включился в работу издательства в первые же месяцы его существования, осенью 1918 года. 21 декабря он получил гонорар — это был аванс (90%) за перевод романа франкоязычного бельгийского писателя Ш. Де Костера «Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке...» (далее — «Уленшпигель»). Об этом есть соответствующая запись в «Перечне выполненных работ сотрудников „Всемирной литературы“».³ До начала 1921 года Горнфельд активно работал и как переводчик, и как редактор, и как автор вводных статей и примечаний, но, по всей видимости, не был удовлетворен денежным вознаграждением. 14 января он написал своей близкой родственнице Раисе Михайловне Шейниной (урожд. Диканской): «Работаю я теперь почти исключительно во „Всемирной Литературе“, полуказанном издательстве (М. Горького); работы много, но платят очень мало (по законной расценке), так что еле хватает на нашу нищенскую жизнь».⁴

Своим недовольством Горнфельд поделился и с К. И. Чуковским, и тот доложил о нем редакционной коллегии издательства 11 февраля 1921 года. В протоколе записано: «Сообщение Чуковского о том, что А. Г. Горнфельд в частной беседе заявил ему, что при существующих ставках на редакторский и переводческий труд он не считает возможным работать во „Всемирной Литературе“».⁵ На заседаниях редколлегии вопрос о тарифах на различные виды работ поднимался неоднократно.

По-видимому, ситуация с оплатой была улажена. 1 апреля Горнфельд сообщил Шейниной: «У меня все по-прежнему, то есть немного хуже: потому что жизнь неуклонно становится все труднее; неудержимо падает не только цена на деньги, но и цена на мой труд. Если перевести на хлеб, то черноработчий получает вдвое меньше против прежнего, а я в двадцать пять раз меньше; а ведь много я никогда не получал. Хорошо, конечно, что с зимой справился».⁶

Рукописи переводов и вводных статей Горнфельд в 1919–1920 годах сдавал в установленные сроки, но книги не выходили вовремя (сказывались нехватка бумаги, отсутст-

¹ Подробнее см.: *Петрова М. Г.* Горнфельд // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. А–Г. С. 637–638; *Биневиц Е. М.* Горнфельд Аркадий Георгиевич // Литераторы Санкт-Петербурга. XX век: энциклопедический словарь / Гл. ред.-сост. О. В. Богданова. СПб., 2019–2021. Электронное издание (<https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/g/gornfeld->; дата обращения: 31.05.2024).

² Значительное число неподписанных рецензий А. Г. Горнфельда установил М. Д. Эльзон. См.: Литературная критика и история литературы в журнале «Русское богатство» (1895–1918): Хронологический указатель анонимных рецензий с раскрытием авторства / Сост. М. Д. Эльзон // Лит. наследство. 1977. Т. 87. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860–1890-х годов. С. 656–691; *Эльзон М. Д.* Анонимные рецензии на историческую литературу в «Русском богатстве» (1895–1917) // История и историки: Историографический ежегодник. 1973. М., 1975. С. 339–340, 342, 345.

³ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-46. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 67.

⁴ РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 260. Л. 1 об.

⁵ Архив А. М. Горького Института мировой литературы Российской академии наук (далее — АГ). Фонд А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 19. [Л. 1]. Здесь и далее, если в документах или протоколах из Архива Горького номера листов не подписаны, мы даем их в квадратных скобках.

⁶ РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 260. Л. 6.

вие наборщиков, «усталость» типографского оборудования и т. п.). К осени 1921 года ситуацию усугубила потеря квалифицированных экспертов: смерть А. А. Блока и Н. С. Гумилева, а также эмиграция Г. Л. Лозинского. Издательство трепетно относилось к подготовке книг, особенно когда дело касалось классиков западноевропейской литературы, например И. В. Гете, над переводами которого работал Горнфельд. Ответственный за выпуск немецкоязычных писателей Е. М. Браудо основательно подходил к своей работе, неоднократно правил предисловия, сверял примечания, перечитывал переводы, нередко обращаясь к оригиналу. Тихонов же настаивал на строгом соблюдении сроков. Их диалог зафиксирован в стенограмме одного из летних заседаний редколлегии в 1921 году:

«ТИХОНОВ. Есть один недостаток, который необходимо искоренить совершенно. Вы сдаете том, затем, когда мы хотим передать его на экспертизу, Вы отнимаете и говорите, что он не готов, и опять проходит два месяца. Когда мы хотим взять в печать, Вы опять берете назад.

БРАУДО. У меня есть около 8 томов. Нельзя сказать, что я ничего не сделал. Даже 10 томов сделано. Третий том Гете я сдаю.

ТИХОНОВ. Материал огромный, а тома мы не видели еще.

БРАУДО. Он будет сдан на будущей неделе».⁷

Дополнительные трудности по выпуску книг доставляли неаккуратные переводчики или редакторы, они могли потерять выданные им для работы книги, рукописи и корректуры. 1 июля 1921 года Браудо докладывал о том, что не нашел в квартире эмигрировавшего в Лейпциг профессора Ф. А. Брауна рукописей издательства: «Мне было поручено зайти на квартиру к Брауну и достать рукописи, которые нужны Горнфельду. Я был у Брауна на квартире, произвел там форменный обыск в присутствии двух понятых, профессоров педагогического института. Вот что я извлек из квартиры Брауна, из всех имеющихся шкапов, я передаю это редакции. Это план наших материалов по различным отделам литературы, никаких рукописей насчет Том<аса> Манна, Генр<иха> Манна, Эк<ермана> я не нашел. В том шкапу, на котором имеются надписи „рукописи для редактирования и готовые рукописи“, все вынато. Я оставил записку, в которой написал, что по поручению коллегии „Всемирной Литературы“ такого-то числа в присутствии таких-то лиц был в квартире Брауна и взял для нужд литературы 7 рукописей».⁸

Для нормализации работы немецкого отдела 13 сентября 1921 года председатель редакционной коллегии А. Л. Вольнский предложил пополнить его состав двумя-тремя лицами. Рассматривалась и кандидатура Горнфельда, Б. П. Сильверсвану поручили переговорить с ним.⁹ 20 сентября он был введен в состав коллегии «Всемирной литературы», но с одним условием, «если вопрос о предоставлении ему экипажа автогужем получит благоприятное разрешение».¹⁰ Еще 14 сентября заведующий издательством Горький обратился в Объединение гужевого транспорта Петрограда (Автогуж) с просьбой «подавать по месту жительства (Бассейная 58, кв. 26) лошадь и экипаж для переезда в помещение издательства (Моховая, 36) и обратно». В этом ходатайстве были следующие пояснения: «Заседания Коллегии происходят два раза в неделю, по вторникам и пятницам, в 4 часа дня. А. Г. Горнфельд страдает параличом ног и абсолютно лишен возможности ходить пешком».¹¹ Он с раннего детства страдал парезом нижних конечностей, был ограничен в передвижениях, лишь изредка покидал дом, нуждался в постоянной помощи родных и друзей, пользовался услугами домработницы.¹²

⁷ АГ. КГ-изд. 4-4-25. Л. 4.

⁸ Там же. КГ-изд. 4-4-24. Л. 3.

⁹ Там же. Фонд А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 59. [Л. 1 об.].

¹⁰ Там же. Ед. хр. 61. [Л. 1 об.].

¹¹ Это письмо факсимильно воспроизведено в изд.: Чукоккала: Рукописный альманах К. Чуковского [Факсимильное воспроизведение страниц / Комм. к рисункам и автографам и предисловие К. Чуковского; предисловие И. Андроникова]. М., 1979. С. 196.

¹² См.: РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 11 (документы о физическом состоянии А. Г. Горнфельда: свидетельство об освобождении от воинской повинности и справки о хронической болезни, 1891–1940 годов).

27 сентября 1921 года Горнфельда приняли в члены редакционной коллегии,¹³ и уже 4 октября он выступил с проектом «распределения по томам сочинений Томаса Манна и Готфрида Келлера». Тогда же Браудо поручили обсудить его с Горнфельдом и представить окончательный вариант.¹⁴

В начале 1922 года Горнфельд получил выгодное в финансовом отношении предложение и в письме к Шейниной от 4 февраля упомянул о нем вскользь: «Состою на службе в Госуд<арственном> Изд<ательстве>».¹⁵ После перехода к «патрону» «Всемирной литературы» — Госиздату — у Горнфельда оставались прежние обязательства. В письме Шейниной от 28 марта 1922 года он сообщил: «Читаю много иностранных романов, но все надо отдавать назад».¹⁶ По всей видимости, Горнфельд занимался оценкой предлагаемых к переводу произведений, многие из которых (если не все) не соответствовали стандартам издательства по своим художественным качествам.

Горнфельд участвовал в подготовке к печати научно-фантастического романа немецкого философа Фрица Бремера «Туманность Андромеды» (1920). Об этом свидетельствуют два письма секретаря издательства В. А. Сутугиной. В одном из них, от 20 декабря 1922 года, она передавала просьбу «Всемирной литературы»: «Нам нужно перевести Бремера: „В туманности Андромеды“ (при сем оригинал) и проредактировать ее. Не сможете ли Вы кому-нибудь из своих переводчиков дать перевести и затем сам<и> проредактировать? Хотелось бы скорей».¹⁷ В феврале следующего года она вновь обратилась к Горнфельду: «...посылаю Вам рукопись Андромеды. Оплатила ее пока по старым ставкам, если будет с февраля прибавка, вероятно, дадут разницу.

<...>

Напишите или позвоните, когда думаете проредактировать Андромеду. Скажите также Ваше мнение о переводчице. Сможет ли она перевести „экспрессионистов“, которые, как известно, пишут таким языком, что не только перевести, но и понять трудно».¹⁸

Вероятно, к концу 1922 года ситуация с подготовкой «Туманности Андромеды» не изменилась, и книга в издательстве не вышла.

«Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке...»

Горнфельд печально известен мандельштамоведом в связи с «делом Уленшпигеля» — скандалом с переводом произведения Ш. Де Костера для издательства «Земля и фабрика» (октябрь 1928 — январь 1929 года).¹⁹ «...Труд Мандельштама заключался в редактировании (стилистической обработке) уже имевшихся переводов, причем не одного даже, а контаминации из двух! Начало (около 2 печатных листов) — из перевода Горнфельда, все остальное — из перевода Карякина».²⁰ По вине издательства на титуле вышедшей книги значилось «Перевод с французского О. Мандельштама»,²¹ что и вызвало гнев переводчиков.

¹³ АГ. Фонд А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 63. [Л. 1 об.].

¹⁴ Там же. Ед. хр. 65. [Л. 1 об.].

¹⁵ РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 261. Л. 2.

¹⁶ Там же. Л. 5 об.

¹⁷ Там же. Ед. хр. 431. Л. 9.

¹⁸ Там же. Л. 6 (письмо от 3 февраля 1923 года, ошибочно напечатано: 1922).

¹⁹ Подробнее см.: *Мусатов В. В.* Лирика Осипа Мандельштама. Киев, 2000. С. 293–317; *Лекманов О. А.* Жизнь Осипа Мандельштама: Документальное повествование. СПб., 2003. С. 129–137; *Нерлер П. М.* «Уленшпигелиада», или Как заставить Осипа Мандельштама написать «Четвертую прозу»? // Текст и традиция. СПб., 2017. Т. 5. С. 162–285 (перепеч.: *Нерлер П.* «Битва под Уленшпигелем»: Осип Мандельштам — редактор переводов // *Нерлер П.* Путем потерь и компенсаций: Этюды о переводах и переводчиках. М., 2020. С. 176–284), и др.

²⁰ *Нерлер П. М.* «Уленшпигелиада»... С. 166.

²¹ См.: *Де Костер Ш.* Тиль Уленшпигель: (гравюры на пальме) / Пер. с фр. О. Мандельштама; с предисловием проф. П. С. Когана; с ил. (гравюры на пальме) Алексея Кравченко. М.; Л., МСМXXVIII [1928].

В публичном обмене репликами²² среди прочего упоминался горнфельдовский перевод «Уленшпигеля», опубликованный «Всемирной литературой» в 1919 году:²³ уязвленный обидными, но справедливыми примерами неудачного перевода, Горнфельд указал «высочке»-Мандельштаму на то, что его работа для горьковского издательства не нуждалась в редакторе. «Мандельштам знает, что я <...> не собирался никому давать за гонорар позволение исправлять чужой перевод посредством моего перевода и исправлять мою работу, после того как она напечатана в сотнях тысяч экземпляров, и даже во „Всемирной Литературе“, — вопреки правилам этого издательства, — появилась без редактора».²⁴ Частица «даже» означала, по всей видимости, высокую оценку деятельности горьковского издательства, а оговорка о правилах — выказанное «Всемирной литературой» доверие к авторитету переводчика. Упоминание Горнфельдом горьковского издательства спустя три года после его закрытия свидетельствует о еще живой памяти о «легендарной „Всемирной“» (Крачковский), одной из первых книг которой был «Уленшпигель».

После 1917 года дело с публикацией «оброчного мужика» (Нерлер), каким станет «Уленшпигель» для Горнфельда впоследствии,²⁵ обстояло туго. В 1918 году рассматривался вариант с неким московским издательством. Об этом читаем в письме журналиста и писателя Е. Г. Лундберга, сотрудника литературного отдела Госиздата, от 12 октября:

Многоуважаемый Аркадий Георгиевич,

получил Вашу открытку. Большая просьба — как только выяснится судьба Вашего «Тилия» в П<е>тр<оград>е, дайте мне знать. Ждать трудно, меня торопят. У меня налицо — три перевода. Хотелось бы использовать Ваш, а откладывать долго окончательный выбор неудобно. Жду ответа от Вас. Если согласны, пришлите одно-два дополнения (цензурное и популярное введение + примечания).

Ев. Лу<ндберг>²⁶

Под судьбой «„Тилия“ в Петрограде» подразумевалось издание книги во «Всемирной литературе». Если бы Лундбергу удалось опубликовать этот перевод, то был бы нарушен 3-й пункт договора, заключенного Горнфельдом 27 октября 1915 года с А. Н. Тихоновым. И вероятно, подписанное соглашение имело самое непосредственное отношение к организованному А. М. Горьким весной этого года в Петрограде «Торговому дому А. Н. Тихонова и К^о», куда входило и книгоиздательство «Парус».²⁷

²² Статья Горнфельда «Переводческая стряпня» (Красная газета (веч. вып.). 1928. 28 нояб. № 328), ответ Мандельштама на нее — «Письмо в редакцию» (Вечерняя Москва. 1928. 12 дек. № 288), написанный и отравленный, но не напечатанный «Вечерней Москвой» выпад Горнфельда (Нерлер П. М. «Уленшпигелиада»... С. 177–181).

²³ Де Костер Ш. Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, их приключениях, отважных, забавных и достопамятных, во Фландрии и иных странах / Пер. с прим. и вступ. статьей А. Г. Горнфельда. Пб., 1919. Т. 1–2 (Всемирная литература. Бельгия; вып. [11]; Костер Ш. Де. Избр. соч. / Под ред. А. Г. Горнфельда).

²⁴ Цит. по: Нерлер П. М. «Уленшпигелиада»... С. 180.

²⁵ «Свой перевод „Уленшпигеля“ Горнфельд впервые опубликовал еще в 1915 г. — в первых шести выпусках «Русских записок» и под псевдонимом Ю. Б. Коршан <...>. Книжная версия впервые была напечатана издательством „Всемирная литература“ в двух томах — в 1919 г. В 1925 г. издательство „Молодая гвардия“ и в 1926 г. журнал „Гудок“ уже перепечатывали его перевод — один к одному и без разрешения: оба раза Горнфельд судился, и оба раза суды выиграл. Но в 1929, 1930, 1935 и 1938 гг. <...> этот же перевод переиздавался вновь» (Нерлер П. М. «Уленшпигелиада»... С. 167).

²⁶ РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 1426. Л. 1.

²⁷ См.: Голубева О. Д. Книгоиздательство «Парус» (1915–1918) // Книга: Исследования и материалы. М., 1966. Сб. 12. С. 160–193; Никитин Е. Н. «Парус» — антивоенный издательский проект М. Горького // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2016. № 3 (11). С. 130–136; Самоходкин В. Н. Партийный публицист и непартийное издательство: сотрудничество Г. Е. Зиновьева с издательством «Парус» в 1915–1917 годах // Вестник Рязанского гос. ун-та имени С. А. Есенина. 2017. № 2 (55). С. 31–38; Коростелев С. Г. Журнал «Летопись» (1915–1917) и газета «Новая жизнь» (1917–1918) в историко-культурном контексте. СПб., 2015. С. 129.

Согласно договору переводчик продавал Тихонову «право на издание, в количестве не более пяти тысяч экземпляров, перевода книги Шарля де-Костера „Тиль Уленшпигель“, который был помещен первоначально в журнале „Русские записки“ №№ 1–6 в 1915 г.», но заново просмотренного и исправленного. Горнфельд брал на себя обязательство «не уступать другим лицам прав на издание» перевода в течение пяти лет, а после истечения этого срока предоставить Тихонову «право преимущественного приобретения» этого произведения. В свою очередь Тихонов был обязан уплатить переводчику «за право издания» произведения по 20 руб. за 40 000 знаков и 100 руб. за вступительную статью и выдать ему 50 экземпляров книги бесплатно.²⁸ На экземпляре договора Горнфельд сделал приписку: «В счет гонорара триста двадцать рублей получил 27 октября 1915 года».²⁹

После революции переводчик, у которого сохранилась копия, помнил о договоре с Тихоновым, следовательно, Лундберг, располагавший тремя переводами «Уленшпигеля» (как отмечено в его письме), был вынужден выбирать из оставшихся двух.

Во «Всемирной литературе» вышло два издания «Уленшпигеля», за каждое из которых полагался гонорар. Осенью 1918 года издательство приступило к подготовке перевода к публикации. Как уже отмечалось, первую выплату Горнфельд получил 21 декабря, общее количество печатных знаков — 1 059 696.³⁰ Спустя 8 месяцев, 8 августа 1919 года, им были получены деньги за то же количество печатных знаков, а 9 и 16 сентября — за вступительную статью и примечания.³¹ Об августовской и сентябрьских выплатах речь идет в письмах секретарей издательства. 9 августа 1919 года Е. П. Струкова написала Горнфельду: «Посылаю гонорар за Уленшпигеля, за вычетом 800 р., о котором уже написала в Москву.

Здесь 2895 р. 70 к. Ордер прошу вернуть».³²

8 сентября В. П. Измалкова в сопроводительном письме пояснила: «Посылаем Вам гонорар за Ваше предисловие к „Уленшпигелю“ — Руб. 2251.13 (две тысячи двести пятьдесят один рубль 13 коп.) и получение денег просим нам подтвердить особой распиской.

Посылаем Вам также для образца предисловия: 1) к „Балладам о Робин Гуде“, 2) к „Сыну Волка“ Дж. Лондона, 3) к „Копьям Царя Соломона“ Хаггарда и 4) к „Приключениям Тома“ Марка Твэна.

Три последние предисловия посылаем в корректурных листах и просим Вас вернуть их в возможно непродолжительном времени, так как это единственные имеющиеся у нас экземпляры».³³

В «Перечне выполненных работ сотрудников „Всемирной литературы“» — бухгалтерских книгах издательства — обращает на себя внимание запись с пометой карандашом на полях «Нар<одное> Изд<ание>». Речь идет об адаптации перевода «Уленшпигеля» для «Народной серии» горьковского издательства — сокращенного варианта произведения для «широкого читателя».³⁴ Согласно записи, Горнфельд получил 90% гонорара за 24 000 печатных знаков вступительной статьи и 393 000 печатных знаков перевода Де Костера.³⁵ Секретарь Измалкова направила Горнфельду образцы предисловий «народных» изданий «Всемирной литературы» (все они увидели свет), чтобы он по этим лекалам составил преамбулу к будущему второму «Уленшпигелю».

Первый «Уленшпигель» вышел в двух томах «Избранных сочинений» в 1919 году, каждый том тиражом 10 000 экземпляров; второй — в одном томе в 1920 году как

²⁸ РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 25. Л. 2–2 об.

²⁹ Там же. Л. 2 об.

³⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-46. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 67.

³¹ Там же. Л. 68.

³² РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 431. Л. 1.

³³ Там же. Л. 2.

³⁴ О сериях «Всемирной литературы» см.: История книги в СССР, 1917–1921: В 3 т. М., 1983. Т. 1. С. 221–223.

³⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-46. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 68.

«Тиль Уленшпигель»³⁶ в 20 000 экземпляров.³⁷ В списках книг, выпущенных «Всемирной литературой», оба издания фигурируют как «Легенда об Уленшпигеле».³⁸ Учитывая условия заключенного в 1915 году с Тихоновым договора, тираж книг, по-видимому, оговаривался с Горнфельдом дополнительно.

Содержание писем секретарей издательства позволяет уточнить дату выхода первого, двухтомного, «Уленшпигеля». Приведем выдержку из письма Измалковой от 13 октября 1919 года: «По поручению А. Н. Тихонова, посылаю Вам корректуру Вашего предисловия к „Уленшпигелю“ (основное издание).

Не откажите просмотреть ее и вернуть нам *вместе с оригиналом*, по возможности в самом непродолжительном времени, потому что нас торопит типография.

Будьте добры сделать на корректуре пометку о том, что Вы ее одобрили».³⁹

В октябре рукопись двухтомного «Уленшпигеля» была отдана в набор; предисловие согласовывали с автором в срочном порядке. Датой выхода книги можно считать вторую половину октября — начало ноября 1919 года. Окончательный расчет по «Уленшпигелю» для «Основной серии» был произведен 11 мая 1920 года.⁴⁰

«Уленшпигель» оказался единственной книгой в переводе Горнфельда, вышедшей во «Всемирной литературе» (в двух сериях), однако он работал над подготовкой для этого издательства произведений и других европейских авторов.

Переводы

3 января 1919 года Горнфельд получил гонорар за перевод «Мадам Бовари» Г. Флобера общим объемом 714 600 печатных знаков;⁴¹ 24 января — «Семьи Гогенштейн» (Die von Hohenstein, 1864) Ф. Шпильгагена, объем — 1 240 800 печатных знаков.⁴²

Переводчиком романа Флобера был Горнфельд, а редактором — А. Я. Левинсон. Это подтверждает отзыв академика С. Ф. Ольденбурга, заслушанный на заседании коллегии 11 октября 1921 года: «Перевод (Горнфельда) очень хорош, редактура не вызывает существенных возражений». Автор отзыва предложил включить в текст «перевод краткого посвящения, написанного Флобером после суда над ним», и заново перевести четыре стиха, встречающиеся в тексте романа. Члены редакционной коллегии постановили: «Просить С. Ф. Ольденбурга перевести названное посвящение; перевод указанных четырех стихов просить сделать М. Лозинского. Вступительную статью к „Мадам Бовари“ заказать Ю. Н. Верховскому и ему же поручить общую редакцию Флобера. Предварительно просить Ю. Н. Верховского прочесть в Коллегии доклад о Флобере».⁴³

Ольденбург исполнил поручение и 14 октября 1921 года представил свой перевод,⁴⁴ но книга в издательстве не вышла в свет.

В январе–сентябре 1919 года Горнфельд получил гонорар за перевод (так сказано в статье расходов) пяти статей Ф. Шиллера: «О причине наслаждения, доставляемого трагическими предметами», «О трагическом искусстве», «О нравственной пользе эстетических нравов» (так!), «О необходимых пределах применения художественных форм», «Мысли об употреблении пошлого и низкого в искусстве».⁴⁵ Эти переводы были опубликованы двумя десятилетиями раньше в последнем четвертом томе «Собрания сочинений Шиллера в переводе русских писателей» под редакцией

³⁶ Костер Ш. де. Тиль Уленшпигель (Сокращенное издание) / Пер. и предисловие А. Г. Горнфельда. Пб., 1920 (Всемирная литература. [Бельгия]; вып. 42).

³⁷ АГ. Фонд А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 530. Л. 2, 4.

³⁸ Там же. КГ-изд. 4-12-1. [Л. 1, 2]; Там же. Фонд А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 530. Л. 2, 4.

³⁹ РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 431. Л. 3.

⁴⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-46. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 193.

⁴¹ Там же. Ед. хр. 1. Л. 67.

⁴² Там же.

⁴³ АГ. Фонд А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 67. [Л. 1–1 об.].

⁴⁴ Там же. Ед. хр. 68. [Л. 1].

⁴⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-46. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 67, 68.

С. А. Венгерова.⁴⁶ «Всемирной литературе» Горнфельд, по-видимому, разрешил их опубликовать в составе тома Шиллера для «Основной серии» под названием «Статьи по вопросам философии и эстетики», но этот замысел не осуществился.

Редакторская и комментаторская работа

В феврале 1920 года Горнфельд приступил к редакции перевода «Разговоров с Гете» И. П. Эккермана, одного из ценнейших источников о жизни немецкого ученого, писателя и поэта. Он выступил также составителем тома, предполагавшегося к изданию в «Основной серии»⁴⁷ и не увидевшего свет под грифом «Всемирной литературы». Он получил гонорары 13, 24 февраля, 3 марта, 23, 27 апреля.⁴⁸

Однако выполненный перевод не удовлетворил редакционную коллегию, выяснилось, что он был сделан с текста, содержащего многочисленные пропуски. Е. М. Браудо обратился в секретариат, чтобы устранить это недоразумение. 13 сентября 1920 года Измалкова написала переводчику: «Е. М. Браудо поручил мне передать Вам Эккермана, потому что по постановлению Коллегии, в этот том должны быть внесены все пропущенные места, и он просит Вас заняться этой работой.

А. Я. Левинсон хочет просить Вас взять на себя редактирование „Современников“ Жюль Леметра, и так как у нас нет оригинала, не откажите подписать все три прилагаемых бланка для получения этой книги из Публичной библиотеки».⁴⁹

Работа над подготовкой к публикации «Разговоров с Гете» затянулась. Только 21 января 1921 года на заседании редакционной коллегии Тихонов поручил Браудо просмотреть готовый том.⁵⁰

8 июля 1921 года Браудо докладывал о разговоре с Горнфельдом, который заявил, что «гораздо легче сделать новый перевод, чем раскрыть скобки в переводе Аверкиева. Раскрыть скобки это значит расширить, так как у нас это было в виде скобок» (см. Приложение). Речь идет о первом в России переводе «Разговоров с Гете» (Ч. 1–2. СПб.: А. С. Суворин, 1891) драматурга и театрального критика Дмитрия Васильевича Аверкиева (1836–1905). Он использовал текст-посредник, французский перевод Э. Делеро; сохранил его основные особенности, но дополнил своей статьей и сносками (некоторые из них посвящены истории литературы и театра), приближающими повествование к русским реалиям.⁵¹ Горнфельд, понимая специфику работы Аверкиева, справедливо предложил сделать новый перевод.

10 февраля 1922 года на заседании коллегии был заслушан доклад Браудо о просмотренном им томе Эккермана «Разговоры с Гете» в переводе Аверкиева, под редакцией, со статьей и примечаниями А. Г. Горнфельда. В протоколе было отмечено: «Статья и примечания вполне удовлетворительны. Перевод же докладчик считает неприемлемым. Он неточен, встречается много пропусков, вычеркнутые же редактором реплики Эккермана и Гете уничтожают цельность тома. Ввиду того, что работа по исправлению и восстановлению текста слишком сложна, докладчик предлагает том сдать в архив». Это предложение было поддержано членами редколлегии и отразилось в постановляющей части протокола.⁵²

Весной и летом 1920 года Горнфельд редактировал перевод первого романа Томаса Манна «Будденброки». За это он получал гонорар 27 апреля, 7, 11, 18 и 22 мая, 23 июня,

⁴⁶ Шиллер Ф. Собрание сочинений Шиллера в переводе русских писателей. С историко-литературными комментариями, эстампами и рисунками в тексте: [В 4 т.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1901–1902.

⁴⁷ Каталог издательства «Всемирная литература»... С. 82.

⁴⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-46. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 91; Ед. хр. 16. Л. 192.

⁴⁹ РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 431. Л. 4.

⁵⁰ АГ. Фонд А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 13. [Л. 1].

⁵¹ Подробнее см.: *Андрущенко Е. А.* Сент-Бев против Эккермана, или Как создавался первый русский перевод «Разговоров» Гете // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8. № 2. С. 316–333.

⁵² АГ. Фонд А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 98. [Л. 1].

31 июля.⁵³ Рассмотрение затянулось на полтора года. 2 декабря 1921 года рукопись передала Браудо.⁵⁴ 31 января 1922 года члены редколлегии обсуждали работу переводчика и редактора: «Доклад Е. М. Браудо о просмотренном им томе Т. Манна „Семейство Будденброк“ в переводе г-*о*спо>жи Ритт, под редакцией А. Г. Горнфельда. Перевод и редакция вполне удовлетворительны. К тому необходимо предисловие».⁵⁵ На этом заседании постановили: просить редактора написать предисловие и тогда считать книгу готовой к печати. Однако она так и не вышла под маркой «Всемирной литературы».

30 сентября 1920 года Горнфельд также получил гонорар за редакцию переводов трех произведений Гете: романов «Страдания юного Вертера», «Избирательное сродство» (в статье расходов — «Сродство душ») и «Письма из Швейцарии».⁵⁶ Тогда же ему были выплачены деньги за статьи Леметра, о которых говорилось в письме Измалковой от 13 сентября 1920 года.⁵⁷

К обоим романам Гете Горнфельд написал предисловия и подготовил примечания. Гонорар был получен им 30 сентября, 8, 22, 26 октября 1920 года.⁵⁸ Браудо подверг качество переводов и проведенной редактуры сомнению на заседании редакционной коллегии 29 марта 1921 года (см. Приложение). Роман «Избирательное сродство» («Сродство душ») представлял собой компиляцию из двух переводов А. И. Кронеберга и И. Б. Мандельштама; «Страдания юного Вертера» перевел И. Б. Мандельштам. Многочисленные примеры неудачных мест убедили коллегию в необходимости в первом случае отказаться от перевода, во втором — либо улучшить уже сделанный, либо взять другой, Н. А. Холодковского. Оценить возможность положительного преобразования текста попросили Сильверсвана, что он и сделал к заседанию 15 апреля, где сообщил, что перевод можно «выправить» (см. Приложение).

Определяющим стало заседание 8 июля 1921 года, на котором Браудо докладывал о посещении Горнфельда, чье «мнение сводится к тому, что следовало бы вообще редакцию считать черновой, если предъявляются требования такого высоко квалифицированного характера, и поручить кому-нибудь из членов коллегии еще раз проредактировать, согласно требованиям коллегии, редакцию текста и считать эту редакцию окончательной. Так что он считает, что другого способа согласования с требованиями коллегии не может быть, так как редакция зависит от индивидуального вкуса и индивидуальных способностей и не может быть подведена ни под какие объективные формы» (см. Приложение).

Браудо не решился спорить с «потехником», который исходил из факта сознания «неполной пригодности слова для выражения мысли»⁵⁹ (этот тезис Горнфельд проецировал и на переводческое искусство) и маскировал теорией промахи в области русского языка (см. примеры в стенограмме заседания в Приложении). Коллегии призвала негодным небрежный подход к редактированию текста и игнорирование требований «Всемирной литературы» к сохранению стиля оригинала, Горнфельд же (в пересказе Браудо) развивал тему невозможности идеального соответствия перевода подлиннику. От него ждали исправления конкретных вещей, он настаивал на относительности всех оценок. Такие заявления настолько удивили сотрудников издательства, что председатель коллегии Вольнский усомнился в степени компетентности Горнфельда: «Я боюсь, что он недостаточно хороший редактор, и другие опыты редактуры с ним привели к такому предложению».⁶⁰

Перевод «Страданий юного Вертера» все же удалось немного «выправить», попросив Горнфельда посмотреть «выделенные места». Книга вышла в 1922 году.⁶¹ Другой

⁵³ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-46. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 193.

⁵⁴ АГ. Фонд А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 82. [Л. 1].

⁵⁵ Там же. Ед. хр. 95. [Л. 1–1 об.].

⁵⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-46. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 194.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. Л. 194, 200.

⁵⁹ Горнфельд А. Г. Муки слова: [Памяти Пушкина]. СПб., 1906. С. 3.

⁶⁰ АГ. КГ-изд. 4-4-25. Л. 3.

⁶¹ Гете И. В. Страдания юного Вертера / Пер. И. Б. Мандельштама; ред. и предисловие А. Г. Горнфельда. Пб., 1922.

роман Гете, «Сродство душ», язык перевода которого был признан устаревшим двумя рецензентами, не был напечатан под маркой «Всемирной литературы».

Содержание письма Сутугиной от 29 июня 1922 года позволяет установить дату выхода из печати «Страданий юного Вертера» — не ранее июля этого года: «...посылаем Вам гранки Вашего предисловия к Вертеру. Будьте добры вернуть нам как можно скорей, не позже, если сможете, как через два дня. А также посылаем и примечания...»⁶²

6 декабря 1919 года Горнфельду выдали 90 % гонорара за предисловие (18 080 печатных знаков) к роману «Город брильянтов» нидерландского писателя, видного представителя натурализма Германа Гейерманса,⁶³ и 90 % за «компиляцию» (так сказано в статье расходов; имеется в виду составление) тома указанного автора, общий объем 211 000 печатных знаков.⁶⁴ Книга вышла в «Народной серии» в 1922 году.⁶⁵ Дополнительно гонорар за нее редактор получил 24 сентября 1920 года. В статье расходов перечислены следующие виды работ: предисловие, редакция, составление и перевод.⁶⁶ А значит, Горнфельду выдали деньги, полагающиеся переводчику.

В выходных данных книги имя переводчика будет скрыто за инициалами С. Ж. Книгу перевела поэт, прозаик, музыковед и музыкальный критик София Александровна Свиридова (1882 — не ранее 1928), печатавшаяся под псевдонимами Святослав Свириденко, С. Свириденко. После перехода в римско-католическую веру она взяла себе новое имя — Жильберта. Новый псевдоним Свиридовой образован из первых букв фамилии и нового имени (Свириденко Жильберта).

В феврале и сентябре 1920 года Горнфельд получил гонорар за редакцию перевода произведения немецкой писательницы, видной деятельницы феминистского движения Елены Бёлау (Böhlau Helene; 1856–1940) «Вокзал» («Der Rangierbahnhof», 1896) общим объемом 305 000 печатных знаков.⁶⁷

Горнфельд также редактировал переводы романов немецкого писателя Густава Френсена (Frenssen Gustav; 1863–1945) «Гибель „Анны Гольман“» и «История одного похода». 17 сентября ему заплатили за написание предисловия и редакцию перевода первого произведения.⁶⁸ Но лишь 21 января 1921 года подготовленная к печати рукопись была отдана для финального просмотра Браудо.⁶⁹ Его отзыв зафиксирован в стенограмме заседания редакционной коллегии от 11 марта. Приведем его с небольшими купюрами (орфография и пунктуация даны в соответствии с современными нормами, курсивом выделены подчеркнутые):

«Браудо. У меня краткий доклад о переводе „Анны Гольман“ под редакцией Горнфельда. Перевод меня не удовлетворил. Он сделан довольно опытным ремесленником, но именно ремесленником, он не передает очень яркого стиля этого романа. Роман прекрасен по своим языковым качествам. Придираться, собственно, не к чему — это просто дефект переводчика, он не талантлив, он знает язык и, хотя и грубо, но правильно передает то, что значит в тексте. Поправки Горнфельда многочисленны, но для этого перевода слишком малы, но если переделывать все, то пришлось <бы> заново переводить всю вещь. Если не очень придирчиво относиться, нормально, то можно сказать, что перевод удовлетворителен. Особым <у>крашением „Всемирной литературы“ он не послужит, но особого позора мы тоже не навлечем на себя изданием этого перевода. <...>

<...>

Браудо. <...> Я бы этого перевода не взял, но он исправлен, ошибок грубых против текста нет, что же можно было требовать от редакции?

Председатель. Нет ли тут ляпсусов?

⁶² РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 431. Л. 7.

⁶³ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-46. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 68.

⁶⁴ Там же. Л. 91.

⁶⁵ Гейерманс Г. Город брильянтов: (Сокращенное изд.) / Пер. С. Ж.; под ред. и с предисловием А. Г. Горнфельда. Пб., 1922.

⁶⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-46. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 194.

⁶⁷ Там же. Ед. хр. 1. Л. 91; Там же. Ед. хр. 16. Л. 200.

⁶⁸ Там же. Ед. хр. 16. Л. 194.

⁶⁹ АГ. Фонд А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 13. [Л. 1].

Браудо. Я читал, к сожалению, не все главы, брал на выбор, ляпсусов не было, можно доверить <ся> Горнфельду».⁷⁰

В ведомости на выдачу зарплаты сотрудникам издательства есть запись о том, что 13 марта 1920 года Горнфельд получил гонорар за редактирование перевода другой книги Френсена «История одного похода»,⁷¹ а в его записной книжке — отметка, сделанная в тот же день: «Френсен (Моор) 3549».⁷² Это свидетельствует о том, что он работал с переводом романа «Peter Moors Fahrt nach Südwest» (1907). С этим произведением российский читатель был знаком по другому переводу, опубликованному в 1908 году.⁷³

Осенью 1920 года Горнфельд был занят редактированием переводов сборника рассказов поэта и прозаика, классика швейцарской литературы, писавшего на немецком языке, Готфрида Келлера (Keller Gottfried; 1819–1890) «Люди из Зельдвилы» («Die Leute von Seldwyla», 1873–1874, в статье расходов — «Люди из Сельвилы»), за что 22, 26 октября, 13 ноября, 21 декабря получил гонорар.⁷⁴ Он также написал преамбулу к этому тому, но ее рассмотрели на заседании редакционной коллегии только через полгода (5 августа 1921 года). Выслушав отзыв Браудо и его резюме: «Статья написана несколько суховаато, но в общем очень хороша и вполне приемлема для печати», члены редколлегии постановили ее принять.⁷⁵

Ни одно из перечисленных произведений, за исключением «Города брильянтов» Гейерманса, не вышло в свет под грифом «Всемирной литературы».

Горнфельд работал и над переводами произведений швейцарского новеллиста и поэта К. Ф. Мейера (1825–1898). 3 июня 1921 года Браудо сообщил редакционной коллегии: «...меня есть полное собрание сочинений Мейера под редакцией Горнфельда, — ничего возразить не могу, кроме того, что желательно прибавить переписку — шестой том».⁷⁶ Вероятно, на заседании обсуждался план-проспект будущего издания, представленный Горнфельдом. Однако опубликовать шеститомник швейцарского классика не удалось. 5 сентября 1922 года к Горнфельду обратилась Сутугина: «...не откажите нам в следующей просьбе. Нам заказан том К. Ф. Мейера, который мы должны немедленно сдать в печать. Не согласитесь ли Вы составить том, который бы было желательнее другого выпустить. Посылаю то, что мы отобрали — но руководились мы исключительно подходящим числом листов. Может, Вы найдете удобным дать другой том. Очень буду Вам благодарна, если Вы черкнете мне несколько слов в ответ и укажете срок, в который Вы нам сдадите том. Если Вам нужно переговорить по этому поводу — я могу зайти к Вам».⁷⁷

Из предложенных Горнфельдом под маркой «Всемирной литературы» вышли только две книги Мейера: роман «Святой»⁷⁸ и сборник «Новеллы».⁷⁹ К этому сборнику он написал предисловие. В издательство оно поступило еще весной 1921 года, Браудо получил его для рецензирования 19 апреля.⁸⁰

Протоколы заседаний редакционной коллегии и финансовые документы издательства, а также письма, адресованные Горнфельду, позволяют воссоздать картину его деятельности во «Всемирной литературе» с максимально возможной полнотой. В этом горьковском проекте он активно работал в 1918–1922 годах и сыграл существенную

⁷⁰ АГ. КГ-изд. 4-4-4. [Л. 1].

⁷¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-46. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 192.

⁷² РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 24. Л. 5.

⁷³ Френсен Г. Среди дикарей. Повествование Петра Моора о поездке его на юго-восток Африки для умирения восставших дикарей / Пер. Н. Ш.; предисловие Дм. Милина. СПб., 1908.

⁷⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-46. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 200.

⁷⁵ АГ. Фонд А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 53. [Л. 1].

⁷⁶ Там же. КГ-изд. 4-4-21. [Л. 1].

⁷⁷ РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 431. Л. 8.

⁷⁸ Мейер К. Ф. Святой: Повесть / Под ред. Ф. А. Брауна; предисловие М. Горького. Пб., 1922.

⁷⁹ Мейер К. Ф. Новеллы / Пер. Е. Э. Бертельса, Л. П. Карсавина, П. О. Морозова, А. Н. и Ю. Л. Римских-Корсаковых; вступ. статья А. Г. Горнфельда. Пг.; М., 1923.

⁸⁰ АГ. КГ-изд. 4-4-13. [Л. 1].

роль не только как переводчик, но и как редактор, автор вступительных статей и примечаний к произведениям широкого круга немецкоязычных авторов.

Выражаем глубокую признательность Л. Н. Сухорукову (РНБ) и Т. А. Кукушкиной (ИРЛИ РАН) за ценные консультации.

В Приложении публикуются выдержки из протоколов заседаний редколлегии издательства «Всемирная литература», где обсуждались редактировавшиеся А. Г. Горнфельдом переводы романов И. В. Гете «Сродство душ» и «Страдания юного Вертера»: от 29 марта (АГ. КГ-изд. 4-4-8. [Л. 1]), 15 апреля (Там же. КГ-изд. 4-4-12. [Л. 1]) и 8 июля (Там же. КГ-изд. 4-4-25. Л. 2–3) 1921 года. Тексты печатаются в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, с сохранением индивидуальных особенностей написания. Опiski и иные погрешности текста исправлены без оговорок. Подчеркнутые в оригинале слова выделены курсивом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПРОТОКОЛОВ ЗАСЕДАНИЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1

Протокол заседания редакционной коллегии от 29 марта 1921 года

<...>

Браудо. У меня есть довольно большой доклад относительно переводов Гете — «Сродство душ» и «Вертер».¹ Первое впечатление получается очень неблагоприятное — в первой части взят перевод Кронеберга,² по-видимому, сороковых или пятидесятых годов, другая же часть сделана Мандельштамом.³ Сразу получается полное несоответствие частей книги. Перевод первый, стиля сороковых годов <ов>, сделан немножко небрежно, как это было в то время, очевидно, в ходу, — пестрит дополнениями и вставками, которые совершенно не соответствуют духу и стилю перевода, есть небрежности — «к нему пришел в гости академик», — есть тяжелые фразы, которые иногда трудно понять. Я не хочу задерживать вашего внимания, но укажу все же на некоторые фразы, которые можно понять лишь после некоторых усилий. (Читает.) Я говорил по этому поводу с Горнфельдом, он говорит, что ему очень нравится этот старый язык, но некоторые исправления он сделал. Вот например — «самоистязающее воображение» — это исправление Горнфельда, в переводе сказано — мучительное воображение. Исправлено, мне кажется, в худшую сторону. Мое заключение сводится к тому, что браковать перевод, собственно, нельзя, но нужно поставить Горнфельду на вид, что нежелательно пользоваться переводами сороковых годов в общем собрании, которое переведено в современном стиле.

*Председатель.*⁴ Вы заведуете Немецким отделом, и Вы все это можете сказать...

Браудо. Хуже обстоит дело с «Вертером». Он переведен современным автором, Мандельштамом, переведен точно, но грубо. Например, там сказано: «я виделся с своей теткой и вовсе не натолкнулся на ту злую бабу, какой изображают ее», затем — «у колодца сватаются», — «однообразная вещь этот род людской», — «жизнь здесь в городе в казенном доме», — «с великим благоговением вертеться вокруг да около мода», — «но все же трудно распрощаться с этой женщиной», — «она принесла ему супцу», — «она встретила со стороны своего первого мужа дурное обхождение и не хочет выходить замуж».

Председатель. Это очень плохо, то, что Вы говорите.

Браудо. Когда это касается «Вертера», получается что-то ужасное. Я решительно против этого перевода. Вот еще — «несносные абстракции», — «мы ударили по рукам и условились, что ее кавалер в это время будет занимать мою даму», — «с его дамой продержались молодцами». Мое впечатление такое, что то, что простительно Кронебергу, который переводил сорок лет тому назад, то непростительно Мандельштаму.

Тихонов. Перевод плох, или он отредактирован плохо?

Браудо. Скорее перевод плох...

Чуковский. Надо поставить вопрос о Горнфельде. То, что Вы здесь приводите, <э>то уголовная вещь, не мелочи. Мы ему даем ответственные вещи. До сих пор Горнфельд был отличный стилист, — что же такое он после этого...

Председатель. Перевод очень плохой...

Чуковский. Я хочу обратить внимание на то, что Горнфельд говорит, что вознаграждение очень маленькое...

Тихонов. Он всегда у нас был на особых условиях.⁵

Председатель. Мне кажется, дело не в этом. Имеется перевод Холодковского,⁶ — почему его не использовать?

Браудо. Еще фраза — «я их щекотал и вместе с ними производил оглушающий шум».

Ольденбург. Никуда негодно.

Председатель. Нельзя «Вертера» дать в таком переводе. Александр Николаевич, Вас не затрудняет вопрос с этой стороны?

Тихонов. Последнее время только это и делаем. Я бы предложил так решить вопрос — просить еще Бориса Павловича⁷ просмотреть этот перевод, чтобы мы имели двустороннее мнение и могли бы решить, исправим этот перевод или нет, лучше или хуже его перевод Холодковского, сравнить с существующими, потому что заново заказывать и рисковать, что мы получим перевод еще хуже Мандельштама, не стоит.

Сильверсван. Я с удовольствием возьму <сь>.

Председатель. Может быть, из деликатности обратиться к Горнфельду и спросить его, как он сам считает, может ли он исправить перевод до конца или он считает, что перевод неисправим.

Браудо. Я говорил с Горнфельдом, — он находит, что перевод хороший.

Председатель. Тогда, конечно, не может быть разговоров.

Браудо. Относительно предисловия к «Вертеру» могу сказать, что оно хорошо, но в нем недостает только самого важного — влияния «Вертера» на мировую литературу. «Вертер» создал огромное количество подражаний во всемирной литературе...

Председатель. Вы правы, но это самостоятельная тема, — это очень трудно сочетать, как, г<оспода>, ваше мнение по этому поводу?

Ольденбург. Тут двух мнений не может быть — предложить Горнфельду несколько расширить статью, но не требовать большой статьи, потому что это самостоятельная тема.

Браудо. Но такая статья необходима, потому что без этого «Вертер» не может выйти — вся идея всемирной литературы теряется.

Председатель. Небольшая статья нужна, хотя бы компилятивного характера — может быть, он возьмет это на себя.

<...>

2

Заседание Коллегии издательства «Всемирная литература» 15 апреля 1921 года

<...>

Сильверсван. В дополнение к тому, что говорил Евгений Максимович в прошлый раз о переводе «Вертера», я могу сказать, что я этот перевод прочел, сначала просто, как читатель, а затем сличал его с подлинником. Перевод точен и, на мой взгляд, все-таки

исправим. Кроме отмеченного Евгением Максимовичем, я отметил целый ряд шероховатостей, но главным образом нужно было ответить на вопрос, — исправим он или нет. По-моему, он исправим. Конечно, он не совершенен, но ведь вообще трудно передать этот стиль. Перевод добросовестный, я думаю, следовало бы попросить Горнфельда еще раз просмотреть его.

Тихонов. Я думаю, Горнфельд не откажется.

Браудо. А как относительно другой статьи?

Сильверсван. Перевод устарелый, но Горнфельд восстановил все пропуски, и в смысле точности передачи ничего нельзя сказать, но, конечно, тяжело читается. Но тут возникает общий вопрос — как передать стиль, как научиться этому?⁸ Научиться этому совершенно невозможно, тут просто интуитивно можно чувствовать. Если бы переводчик спросил, что же не нравится, я бы затруднился ответить — это не тот стиль, но как это объяснить, разложить на формулы — это невозможно. Приходится с этим мириться.

Тихонов. А не будет большого диссонанса с другими переводами?

Сильверсван. Нет.

Председатель. Этот вопрос можно считать исчерпанным, нужно просить Горнфельда еще раз просмотреть перевод с точки зрения стилистической. Мне кажется, это обязанность Горнфельда.

<...>

3

Заседание <Коллегии издательства «Всемирная литература»> 8 июля <1921 года>

<...>

ТИХОНОВ. Затем просьба к Е. М. Браудо упорядочить горнфельдовские материалы.

БРАУДО. Я сейчас об этом доложу. <...> был сегодня у Горнфельда, провел у него свыше двух часов, показывал ему наше издание Гете и говорил с ним. Выводы получились довольно пессимистичные. Он по этому поводу напишет письмо в коллегию. Горнфельд находит, что все поправки, написанные там, носят характер субъективный. По его мнению, перевод 40-х годов Кронеберга соответствует тексту. Он говорит — это дело вкуса. Указать крупных отступлений от текста нельзя, но весь характер, весь тон, вся дикция для современного уха, по-моему, непереносны, но он находит, что вполне можно пользоваться этим текстом, наряду с текстами, сделанными современными переводчиками. Потом относительно Келлера я указал промахи. Он согласен исправить эти промахи, но опять говорит, что применение таких слов, как «мужик», «село», считается приемлемым, и считает, что с руссизмами бороться не нужно. Что касается перевода Мандельштама, который смотрели я и Сильверсван, он считает безукоризненным. И те подчеркивания, которые сделаны мною и Вами, он считает, что можно изменить, но говорит, что «если я изменю, то придет третий редактор и найдет новые изменения» и что если не положить предела редактированию, то такового предела найти нельзя, что каждый последующий редактор будет критиковать предыдущего и что никак нельзя привести в идеальное соответствие с подлинником. Он вообще не считает, что мы русского читателя должны ставить в лучшее положение сравнительно с немецким и что если подлинник написан тяжелым языком, как «Вертер», которого он не считает образцом стиля, то и русский читатель не может претендовать, чтобы перевод читался лучше, чем читается подлинник. Я на это возразил, указал на некоторые особенности. В большинстве случаев он соглашался со мной, но он находит, что он просмотрит эти вещи еще раз, прочтает, исправит без сличения с текстом и что не ручается, что следующий редактор не найдет целого ряда таких возможных исправлений. Он считает это вполне естественным, и его мнение сводится к тому, что следовало

бы вообще редакцию считать черновой, если предъявляются требования такого высоко квалифицированного характера, и поручить кому-нибудь из членов коллегии еще раз проредактировать, согласно требованиям коллегии, редакцию текста и считать эту редакцию окончательной. Так что он считает, что другого способа согласования с требованиями коллегии не может быть, так как редакция зависит от индивидуального вкуса и индивидуальных способностей и не может быть подведена ни под какие объективные формы. Вот то, что говорил Горнфельд. Я до известной степени могу с ним не соглашаться, что касается того, что правки субъективны. Раз только текст более или менее верно передает подлинник, очевидно, тут есть абсолютные требования, которые должны быть исполнены во всяком случае. Но он вполне согласился со мной, что самое правильное было бы, чтобы некоторые вещи после окончания редактуры еще раз давались на просмотр редактору перевода, без сверки с текстом, считая, что сверка с текстом сделана в первый раз. Что касается Эккермана, он считает, что гораздо легче сделать новый перевод, чем раскрыть скобки в переводе Аверкиева.⁹ Раскрыть скобки это значит расширить, так как у нас это было в виде скобок. Он согласен исправить, что подчеркнуто, но подчеркнуто очень немного, и весь текст просмотрен. В иных случаях он держится своего, например, считает возможным применять в тексте Гете такие выражения, как «баба» или «село», я считаю это неприемлемым. Я указывал, что «село» слишком славянский термин. «Мужик» вместо «крестьянин» повсюду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я боюсь, что он недостаточно хороший редактор, и другие опыты редактуры с ним приводили к такому предложению.

БРАУДО. Во всяком случае, он мне говорил, что читал эти вещи по шесть-семь раз и то, что пропустил, пропустил сознательно, так как считал это правильным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. К какому заключению вы пришли?

БРАУДО. Он прочтет и сделает последние исправления, но он предлагает кому-нибудь другому из членов коллегии проделать это еще раз.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Т<о> е<сть> он предлагает найти нового редактора. Над редактором еще редактора.

<...>

¹ «Страдания юного Вертера» (1774) и «Сродство душ» («Die Wahlverwandtschaften», 1809; в отечественной традиции чаще употребляется перевод «Избирательное сродство») — первый и третий романы И. В. Гете. До революции были известны следующие переводы «Вертера»: Ф. Галченкова, Н. М. Рожалина (1828–1829), А. В. Струговщикова (1865, др. изд. — 1875), А. Р. Эйгес (1893), О. Н. Хмелевой (1893) и др. (подробнее см.: Стадников Г. В. Гете и его роман «Страдания юного Вертера» // Гете И. В. Страдания юного Вертера / Изд. подг. Г. В. Стадников. СПб., 1999. С. 242–243 (сер. «Литературные памятники»); список первых русских переводов см.: Там же. С. 199–201). В 1847 году по поручению Н. А. Некрасова А. И. Кронеберг перевел «Избирательное сродство» для журнала «Современник» (опубликован под названием «Оттилия», по имени главной героини, в № 1–2). Позднее, в 1879 году, под заглавием «Сродство душ» он был помещен в состав десятитомника «Собрание сочинений Гете в переводах русских писателей, изданных под редакцией Ник. Вас. Гербеля» (Т. 8. СПб.: Н. В. Гербель, 1879). Если не считать неопубликованного «Всемирной литературой» перевода И. Б. Манделштама, известны переводы советского времени Г. А. и А. К. Рачинских из тринадцатитомного собрания сочинений (М.; Л.: Гослитиздат, 1934. Т. 6) и А. В. Федорова 1952 года (М.; Л.: Гослитиздат) и 1978 года в десятитомном собрании сочинений писателя (М.: Художественная литература).

² Кронеберг Андрей Иванович (1815/1816–1855) — переводчик и критик; перевел ряд пьес Шекспира.

³ Исай Бенедиктович Манделштам (1885–1954) — инженер, переводчик, поэт. Известен в основном как переводчик прозы. Свой первый перевод с немецкого языка опубликовал в 1910 году в журнале «Вестник Европы». В основном переводил произведения немецких поэтов, а также Ш. Бодлера, П. Верлена.

⁴ Аким Львович Вольнский (1861–1926) — литературный критик и искусствовед, балетовед, неизменный председатель редакционной коллегии издательства «Всемирная литература» до его закрытия (последнее заседание состоялось 13 января 1925 года). Отвечал за издание итальянских авторов.

⁵ Из-за хронической болезни. Подробнее см. во вступ. статье.

⁶ Николай Александрович Холодковский (1858–1921) в гетеведении известен в первую очередь как переводчик «Фауста». «Перевод Холодковского продолжает оставаться единственным,

хотя и скромным, но добросовестным и приемлемым переложением подлинника для того, кому этот подлинник недоступен», — отмечал В. М. Жирмунский (*Жирмунский В. М. Гете в русской поэзии // Лит. наследство. 1932. Т. 4–6. С. 646*). В переводе Холодковского роман не выходил (*Житомирская З. В. Иоганн Вольфганг Гете. Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке. 1780–1971. М., 1972*). В ходе дальнейшего обсуждения редакционная коллегия посчитала нецелесообразным заказ нового перевода произведения Гете, поэтому вряд ли к Холодковскому обращались с просьбой перевести «Избирательное средство» до обсуждения редакции Горнфельда.

⁷ Сильверсван Борис Павлович (1883–1934) — литературовед, историк культуры и археолог. Во «Всемирной литературе» отвечал за издание немецких авторов, эмигрировал в Финляндию в 1921 году (см.: *Иванова Е. В., Жуховицкая Л. Г. Письма Б. П. Сильверсвана М. Горькому (по материалам Архива А. М. Горького ИМЛИ РАН) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 6 (45). С. 720–726*).

⁸ Эту задачу во «Всемирной литературе» попытались решить Н. С. Гумилев и Н. К. Чуковский, а также Ф. Д. Батюшков в двух изданиях книги «Принципы художественного перевода» (Пб.: Всемирная литература, 1919; 2-е изд. — Пб.: Государственное издательство, 1920). Ту же цель преследовала переводческая студия издательства, организованная как лаборатория: «На первых же порах работники „Всемирной литературы“ оказались лицом к лицу с чрезвычайными затруднениями: невыработанностью методов и недостаточностью литературных сил. Искусство перевода до наших дней оставалось в России промыслом кустарным, лишенным теоретических основ и традиций. Выпущенная Издательством брошюра К. И. Чуковского и Н. С. Гумилева о „Принципах художественного перевода“ стихов и прозы могла лишь частично заполнить этот пробел. Выяснилось, что вопрос о технике перевода неразрывно связан с общими вопросами литературного творчества, поэтикой, стилистикой, ритмикой, метрикой, историей литературы, языковедением. В то же время у руководителей Издательства создалось убеждение, что лишь путем эмпирическим, путем совместной работы над методами анализа и создания стихов и прозы, — может быть создан кадр сознательных работников. Отсюда возникла мысль о „Литературной Студии“, мастерской, не столько школы, сколько лаборатории. Задача ее не умозрительная, а действительная: добытые теоретические данные приложить к практической работе над переводами иностранной литературы» (АГ. Фонд А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 490).

⁹ Специфика работы Аверкиева не позволяла должным образом исправить перевод в соответствии с требованиями «Всемирной литературы». Подробнее см. во вступ. статье.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-184-194

© Сонг Чжон Су (Республика Корея)

ПАМЯТЬ КАК «ВЕЩЕСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ПЛАТОНОВА

Большинством исследователей признано, что повесть Андрея Платонова «Джан» (1935), написанная по впечатлениям второй поездки в Туркменистан, — это история достаточно экзотичного для советского человека восточного мира и его «просвещения» под влиянием социалистической утопии. Действительно, основным топом здесь является «Восток», и закономерно, что повесть Платонова, как и другие его произведения «азиатского цикла», анализировались с точки зрения ориентализма с опорой главным образом на западный колониализм и постколониальную теорию.¹ Такой подход, безусловно, способствует расширению горизонта интерпретации произведений Платонова. Однако для более глубокого понимания платоновской повести требуется комплексный подход.

Поскольку ориентализм тесно связан с проблемой идентичности и темой памяти, рассказанная писателем история не может быть определена просто как повесть о неве-

¹ См. наиболее репрезентативные исследования творчества А. Платонова с ориенталистической точки зрения: *Скаков Н. Пространства «Джана» Андрея Платонова // Новое литературное*